Боевые действия в Крыму в 1855 году

Прочее

Князь Меньшиков в течение зимы не пытался отбросить союзников от Севастополя, пользуясь их бедственным положением, и только 5-го февраля 1855 года атаковал укрепленную союзниками Евпаторию, занятую к этому времени значительным отрядом; приступ не удался, и мы отступили с потерей около 770 человек.К началу февраля союзники имели в Крыму до 120000 человек (80000 французов, 15000 англичан и 25000 турок), которые почти все находились в ближайших окрестностях Севастополя. Наши силы, деятельно увеличиваемые прибытием постоянных подкреплений и укомплектований, не превышали к этому времени также 120000 человек, но из них не более 75000 стояло в Севастополе, остальные же были разбросаны отдельными отрядами по всему Крыму.Между тем, сознав, что Малахов курган, господствующий над всей оборонительной линией, составляет ключ крепости, и что с потерей его немыслима дальнейшая оборона южной стороны Севастополя, союзники решились повести на него (Корниловский бастион) главную атаку. Но как толь замечены были работы союзников против этого укрепления, полковник Тотлебен тотчас же понял мысль их и, разделяя мнение союзников о чрезвычайной важности сохранения за ними Малахова кургана, не теряя времени, приступил к закладке сильных отдельных укреплений на высотах, лежащих впереди кургана. Целью постройки этих укреплений было – возможно долее не допустить союзников подойти на близкое расстояние к кургану. В ночь с 10-го на 11-е февраля возведен был, совершенно

неожиданно для противника, Селенгинский редут, в 450 саженях впереди наших прежних укреплений. В следующую же ночь французы попытались овладеть им, но после жестокого ночного рукопашного боя вынуждены были отказаться от своего намерения. В ночь на 16-е февраля возведен был другой редут – Волынский, в 550 саженях впереди главных укреплений крепости, и наконец в ночь на 26-е февраля был построен впереди Малахова кургана, в 250 саженях от него, люнет Камчатский.С окончанием постройки этих трех укреплений оборонительная линия наша настолько выдвинулась вперед, что позволила на продолжительное время затянуть оборону, так как противник, прежде чем вести атаку на главную ограду и на Малахов курган, должен был овладеть тремя новыми укреплениями, ведя против них медленные осадные работы, так как попытки овладеть укреплениями открытой силой потерпели полную неудачу.Не решаясь атаковать открытой силой «Трех отроков», как прозвали защитники Севастополя новые укрепления, союзники в течение нескольких дней засыпали их снарядами и затем начали против них осадные работы.18-го февраля Россию постигло новое горе – умер давно уже недомогавший Император Николай I, слегший в постель только 11-го. На престол всероссийский вступил сын его, ныне в Бозе почивающий, Император Александр II, Царь Освободитель – Мученик!2-го марта в должность командира Севастопольского порта вступил вице-адмирал Нахимов, известный всем защитникам Севастополя своей неутомимой деятельностью, выдающейся решительностью и храбростью, а 7-го марта убит доблестный защитник Малахова кургана контр-адмирал Истомин.До конца марта обе стороны деятельно продолжали осадные и оборонительные работы. 27-го марта севастопольцы радостно встретили праздник Светлого Христова Воскресенья. К этому торжественному дню все бастионы были приведены по возможности в праздничный вид; они были выметены, орудия, станки и лафеты вымыты, люди приоделись и почистились. Для слушания пасхальной литургии, в тесном соборе Св. Екатерины в старом адмиралтействе, собрались начальствующие лица; вокруг храма густой толпой, с зажженными свечами в руках, стояли солдаты, матросы и женщины. По окончании обедни в церквах

города духовенство отправилось на укрепления и служило там молебны перед батарейными образами. «Женщины и дети, презирая опасности, шли на бастионы христосоваться со своими мужьями и отцами, неся им освященной пасхи» («Оборона Севастополя» Тотлебена). «После обеда на бастионах составились веселые кружки, явились музыканты и песенники, пошли пляски и другие забавы» (там же). Казалось все забыли об опасности. – Осаждающий не прекращал, однако огня и изредка продолжал бросать бомбы в наши укрепления; вместе с тем он весь день 27-го марта не прекращал и ружейного огня. Потеря наша в день Светлой Христова Воскресенья состояла из 10 убитых и 21 раненых.Чтобы ускорить дело осады, союзники с 28-го марта предприняли с суши второе усиленное бомбардирование, начав его в пять часов утра; к вечеру 5-й бастион должен был прекратить огонь, а редуты Селенгинский и Волынский и люнет Камчатский обращены в груды развалин. 29-го, 30-го, 31-го марта и 1-го апреля бомбардирование непрерывно продолжалось, хотя в последний день и с меньшей силой; наши батареи успешно боролись с противником, но не смогли достаточно развить огонь по недостатку боеприпасов.В первые два дня бомбардирования союзники бросали в Севастополь по 30000 снарядов, наши отвечали значительно меньшим числом, всего от 10 до 11000 снарядов в день. Положение гарнизона становилось очень тяжелым; продолжительное бодрствование до чрезвычайности утомляло войска, но нравственный дух их нисколько не был подорван, все готовы были пасть до последнего на развалинах крепости.После 1-го апреля бомбардировка несколько стихла, но все же союзники ежедневно бросали в укрепления наши громадное число снарядов. Только 7-го апреля прекратилось это беспримерное 10-дневное бомбардирование и изнуренные войска могли вздохнуть свободнее. За время бомбардирования у нас выбыло до 6000 человек, у союзников около 2000, а снарядов выпущено нами 81000, а союзников около 160000. Редуты Волынский и Селенгинский, люнет Камчатский и 4-й бастион, несмотря на постоянные работы, производившиеся и днем, и ночью, были разрушены до основания, но все еще держались.К началу мая подступы союзников

находились в некоторых местах уже очень близко к нашей линии укреплений: на правом фланге (Городская сторона) всего в 60-70 саженях, на левом фланге (Корабельная сторона) – почти в таком же расстоянии от линии отдельных редутов. Грозный час окончательного столкновения быстро приближался. Желая отвлечь часть сил от Севастополя и лишить продовольствия нашу армию, союзники задумали произвести высадку у Керчи и потому 12-го мая в числе 15000 человек высадились в окрестностях этого города, заняли его и, не довольствуясь грабежом Керчи и уничтожением складов, разграбили и другие города Азовского побережья, причем подходили даже к Таганрогу. Между тем у Севастополя союзниками решено было по возможности скорее завладеть передовыми нашими укреплениями на Корабельной стороне, и потому предпринять штурм редутов Волынского и Селегинского и люнета Камчатского. 25-го вечером началось третье бомбардирование нашего левого фланга; оно продолжалось весь день 26-го и наконец в пять часов дня, по общему сигналу ракетами, 40000 французов бросились на штурм редутов, от которых находились в своих окопах не далее 300-500 шагов. Неожиданность штурма, хотя о нем и ходили заранее слухи, громадные силы, двинутые противником, и наконец крайняя близость неприятельских окопов от наших укреплений – повели к тому, что малочисленный гарнизон их едва успел дать несколько выстрелов, как уже увидел противников на валах своих укреплений и после упорного и неравного боя должен был отступить, настойчиво преследуемый частью сил противника почти до главного вала. Редуты Селегинский и Волынский и люнет Камчатский были заняты неприятелем. В день штурма мы и союзники потеряли более 5000 человек с каждой стороны.Заняв укрепления, союзники на правом своем фланге приблизились почти на 350 сажень к Малахову кургану; усиленное бомбардирование Корабельной стороны продолжалось до 29-го мая.Одержанный значительный успех на столько ободрил французов, что они решились немедля штурмовать крепость, направив главную атаку на Малахов курган. 5-го июня союзники открыли четвертое усиленное бомбардирование, тем более ужасное, что расстояния, с которых

производилась стрельба; были очень невелики и снаряды производили страшные разрушения, - ни один снаряд не пропадал даром, поражая или людей, или постройки; наши же, сберегая заряды, почти прекратили огонь через три-четыре часа канонады, и это заставило французов заключить о серьезных потерях русских и повреждении большого числа орудий. Канонада залпами не прекратилась даже ночью, с целью помешать исправлениям разрушенных днем батарей. С рассветом 6-го июня усиленная канонада продолжалась по-прежнему, между тем наши секреты обнаружили сосредоточение больших сил в ближайших подступах противника и поэтому все резервы были приближены к передовым линиям. Наконец, в исходе 3-го часа пополуночи, прекратив канонаду, союзники (44000) бросились на штурм укреплений Корабельной стороны, однако недостаточно одновременно. Им противостояло не более 20000 русских. Быстро пробежали французы и англичане расстояние до наших укреплений и некоторые кинулись уже в ров, но, встреченные жесточайшим ружейным и орудийным огнем, вскоре были повсюду отбиты и только на Малаховом кургане шел упорный бой за обладание Корниловским бастионом. Уже французы ворвались в бастион и бросились к орудиям, как подоспело, хотя и незначительное, но сильное духом подкрепление, лично руководимое генералом Хрулевым: то была 5-я мушкетерская рота Севского пехотного полка (138 человек) под командой капитана Островского. Воодушевленные любимым начальником, солдаты без выстрела бросились в штыки, вслед за ротой бросились вперед и остальные защитники кургана и, несмотря на отчаянное сопротивление, сбили французов с кургана. – Храбрая рота вернулась из боя в количестве 33 человек, остальные, свято исполняя долг присяги, пали в бою. Неустрашимый Островский был убит.Противник с громадными потерями, после несколько раз повторенных упорных попыток овладеть бастионами, скрылся в своих траншеях. К шести часам утра штурм был отбит на всех пунктах, и начавшаяся по окончании его сильнейшая канонада постепенно прекратилась только после полудня. Более 7000 человек потеряли союзники во время штурма; наших убыло до 2000 человек.Сильно потрясенные неудачей, англо-

французы до 23-го июня почти не действовали огнем по укреплениям нашим и только настойчиво вели подступы к Малахову кургану.8-го июня был тяжело ранен пулей в правую ногу навылет Тотлебен и с этого времени не мог уже лично вести дело обороны, хотя руководил им по возможности, а 25-го июня защитники Севастополя с горестью узнали об опасной ране доблестного начальника севастопольского гарнизона, героя синопского боя, адмирала Нахимова, скончавшегося 30-го июня и искренно оплаканного не только севастопольцами, но и всей Россией. 25-го июня, по обыкновению объезжая оборонительную линию, Нахимов с Корниловской батареи стал рассматривать в трубу, стоя совершенно открыто, неприятельские работы, несмотря на просьбы окружающих стать более укрыто; наконец, окончив наблюдение, он только-что хотел сойти во внутренность укрепления (с банкета), как был поражен пулей в левый висок. Павел Степанович Нахимов погребен рядом со своими боевыми товарищами, Корниловым и Истоминым, еще ранее сложившими головы на поле брани.Между тем в союзной армии, вскоре после штурма, снова развилась сильнейшая холерная эпидемия, свирепствовавшая с ужасающей силой в особенности в сардинском корпусе.К началу августа подступы атакующего находились всего в 50 саженях от Малахова кургана. Наши войска, усилясь подошедшими в августе тремя пехотными дивизиями, деятельно занимались возведением новых укреплений, вели подземную войну как впереди 4-го бастиона, так и Малахова кургана, постоянно ожидая общего штурма крепости. В начале августа новый главнокомандующий нашей армией в Крыму князь Горчаков, еще в феврале сменивший Меньшикова, решился атаковать союзников, как только подойдут подкрепления. Предположено было направить атаку со сторону Макензиевых гор, на так называемые Федюхины высоты, Гасфортову и Телеграфную горы, где союзники занимали очень сильную позицию. Задуманная атака была весьма рискованна, и князь Горчаков некоторое время колебался, предпринимать ли ее, и только по прибытии подкреплений, 3-го августа, двинулось около 57000 человек при 270 орудиях для атаки недоступных позиций противника. На рассвете 4-го августа, выступив пятью колоннами, войска наши атаковали союзников и

заняли Телеграфную гору; князь Горчаков приказал уже атаковать Гасфортову гору, как вдруг, вследствие недоразумения, колонна генерала Реада неожиданно атаковала Федюхины высоты, и этим расстроился общий план боя. В помощь Реаду двинулись и другие войска, вступавшие в бой небольшими частями, но, действуя без должной связи, они, после ряда геройских атак и частных успехов, принуждены были отступить с потерей 8000 человек. Союзники потеряли не более 1800 человек. Сражение на Черной речке окончилось неудачей. Генерал Реад пал в бою.5-го числа началось пятое усиленное бомбардирование Севастополя. Более 800 орудий громило город и укрепления днем и ночью. На Малаховом кургане нередко падало одновременно по 5-6 больших бомб, раненные и убитые оставались не убранными и валялись на батареях в грудах земли среди разбитых лафетов, платформ и орудий. Подступы французов к этому времени были подведены к некоторым укреплениям всего на 100 шагов; это заставляло держать по близости резервы, вследствие чего потери гарнизона севастопольского в дни бомбардирования нередко достигал до 1000 и более человек в один день. 9-го августа бомбардирование ослабело.К 24-му августа подступы французов приблизились на 22-е сажени ко 2-му бастиону и на 18 к Малахову кургану. Укрепления наши представляли груды развалин, починить которые нельзя было и думать, - войска едва успевали очищать беспрестанно засыпаемые снарядами противника амбразуры (отверстия в валу крепости для стрельбы из орудий). Валы укреплений были обвалены и рвы почти на половину засыпаны землей.С 24-го началось шестое бомбардирование многострадального города и его укреплений; по одному только Малахову кургану действовало 110 больших орудий. Свою беспрерывную канонаду союзники иногда прекращали на некоторое время, чтобы мы, опасаясь штурма, подвели ближе свои резервы, после чего канонада продолжалась с еще большим ожесточением, вырывая огромное число жертв из рядов защитников Севастополя. 25-го бомбардирование, не прекращавшееся ни на минуту, произвело ряд пожаров; большинство укреплений было окончательно разрушены; самый город точно также обратился в развалины.За громадной убылью артиллеристов и

матросов, к орудиям пришлось ставить ополченцев. Из строя ежедневно выбывало до 2500 человек.27-го августа бомбардирование продолжалось с той же силой и наконец около полудня, почти одновременно, союзники прекратили канонаду и тотчас же густые массы французов бросились на Малахов курган. Пробежать 40-50 шагов, отделяющих их от батарей наших, и взобраться на вал Корниловского и 2-го бастиона было для них делом одной минуты. Наши едва успели дать по ним несколько выстрелов, как французы ворвались во внутренность бастионов – и здесь началась самая ожесточенная, беспощадная свалка; к нашим и французам отовсюду спешили резервы; успех несколько раз склонялся то на одну, то на другую сторону; храбрый Хрулев был ранен и едва не попал в плен. Наконец к 3-м часам дня всюду, кроме Малахова кургана, союзники были отбиты.Бесстрашные защитники Малахова кургана бились насколько хватало сил, заняв блиндажи и башню, и только в 6 часов вечера, наполовину перераненные и расстреляв все патроны, они были взяты в плен. Обороняться далее было невозможно, и вечером началось отступление. 27-го августа все войска русские уже переправились на Северную сторону, взорвав уцелевшие еще батареи и пороховые погреба и затопив оставшиеся в целости суда.Только 30-го августа противник вступил в город и тотчас открыл огонь по Северной стороне.В день штурма 27-го числа мы потеряли 12900 человек, а союзники более 10000 человек.И так, Севастополь пал после беспримерного, геройского 11-ти месячного сопротивления.По занятии города наступил продолжительный перерыв в военных действиях, потому что союзники хотя и располагали значительной армией (150000 человек), но не могли предпринять наступления в глубь страны, не имея при себе обозов. В течение сентября они делали несколько безуспешных попыток выманить из крепкой оборонительной позиции армию князя Горчакова, но последний, сознавая всю выгоду своего оборонительного положения, оставался неподвижен.28 октября севастопольцы были осчастливлены прибытия к ним Императора Александра II, приехавшего в армию с целью поблагодарить войска за отличную службу. Наступившая затем зима совершенно прекратила военные действия в Крыму, а союзники,

снова терпя всевозможные лишения, гибли от болезней и холода.

Составитель: Группа офицеров Генерального Штаба. Москва, 1889.